

Вестник
Томского государственного
университета

№ 357

Апрель

2012

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Аванесов С.С.**, д-р филос. наук, проф.; **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кривова Н.А.**, д-р биол. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ «ЧЕЛОВЕКА ТЕХНИЧЕСКОГО»: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ПУТЬ К БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ?

Анализируется идея коллективной ответственности, актуализация которой связана с научно-техническим развитием. Ролевая, или профессиональная, этика ответственности является ограниченной в условиях сложноорганизованной коллективной практики. Однако использование идеи коллективной ответственности как этического «фильтра» для научно-технических инноваций также наталкивается на ряд противоречий. Эксплицируются основные противоречия и намечаются способы их преодоления.

Ключевые слова: моральная ответственность; индивидуальная, коллективная, корпоративная ответственность; научно-техническая деятельность.

Концепция коллективной ответственности сегодня приобрела новое звучание, которое во многом обусловлено изменившимся характером человеческой деятельности. Речь идет о том, что деятельность современного человека – это сложноорганизованная коллективная практика, где все возрастающая опосредованность и социализированность действий становятся ее определяющими чертами. Нет сегодня отдельного, единичного инженера, ученого, проектировщика вне каких-либо институтов, проектных бюро, лабораторий. Коллективная научно-техническая деятельность и масштабы ее воздействий и последствий приобретают глобальный пространственный характер, т.е. могут затрагивать любого: технические мероприятия и их побочные эффекты затрагивают людей, не находящихся в непосредственной взаимосвязи с теми, кто вмешивается в их жизнь, и т.д.

Одновременно меняются и временные параметры коллективной научно-технической деятельности, речь идет о ее долгосрочных последствиях, которые переносятся на ближайшее или даже отдаленное будущее. В результате образуется разрыв, несоответствие между действиями и знаниями о последствиях этих действий. Как преодолеть этот разрыв? Возможны ли иные принципы регулирования научно-технической деятельности, помимо принципа увеличения практической эффективности, который, по всей видимости, должен быть заменен иным. Г. Йонас как факт констатирует, что «целина коллективной практики, на которую мы вступили с переходом к высоким технологиям, все еще представляет собой белое пятно для этической теории» [1. С. 26].

Философская рефлексия в отношении технической деятельности существует в рамках такого раздела, как философия техники, где раскрываются онтологические, гносеологические, аксиологические и этические ее аспекты. Философия техники фактически – это философия человека, и проблемы, порожденные научно-техническим развитием, – это проблемы, отражающие фундаментальные отношения человека и природы, человека и общества, человека и культуры. Экспансия технологической рациональности во все сферы жизни, то, что мы называем прогрессом, должна быть заключена в этические рамки, в новую или модернизированную этическую систему. «...Человеческое понятие прогресса должно означать не вымирание других творений природы и в то же время омертвление душевных и чувственных потенций человека, – говорит нам Х. Сколимовски, – но скорее увеличение своеобразия

человека, которое свершается главным образом через расширение его духовности» [2].

Идея коллективной ответственности, актуализация которой во многом обусловлена коллективной деятельностью современного человека, представляет собой вариант нового этического проекта, призванного регулировать научно-техническое развитие. Однако сама идея коллективной ответственности сразу ставит в тупик, поскольку первое, с чем сталкивается ученый, – это неопределенность понятия, что позволяет ряду исследователей его отклонить как слишком расплывчатое. Иные возражения сводятся к тому, что в условиях высокой степени опосредованности коллективная ответственность является способом ухода от ответственности как таковой. Имеется в виду, что сама возможность коллективного принятия ответственности уменьшает степень индивидуальной ответственности и провоцирует безответственное поведение: «...угрызения совести индивида стихают, – говорит В. Хесле, – если он принимает участие в действиях, за которые не несет единоличной ответственности» [3. С. 102]. Одновременно коллективная ответственность рассматривается как «нечестная система нравственного вменения», что означает возложение ответственности на всех членов группы независимо от их участия в тех или иных действиях [4]. Клубок противоречий, возникающий даже при первом приближении, безусловно, глубоко укоренен в тех фундаментальных этических положениях, которые и организуют наше моральное сознание. Первый принцип, который вступает в противоречие с идеей коллективной ответственности, – это принцип индивидуальной ответственности и справедливости.

Коллективная ответственность элиминирует личный аспект, именно коллектив, социальная группа, корпорация выступают источником моральной ответственности. Только личностью способна принимать ответственность, быть центром морального поступка. Имеет ли смысл в таком случае говорить о коллективной ответственности как о форме моральной ответственности, если известно, что моральный долг возможен тогда, когда есть индивидуальная возможность совершать или не совершать определенные действия? Способен ли коллектив по аналогии с индивидом формировать намерения? Иначе говоря, быть субъектом моральной ответственности. Если да, то как соотносится свобода и ответственность для такого субъекта, как коллектив?

Второе противоречие, порождаемое идеей коллективной ответственности, – это нарушение фундаментальной посылки социальной этики либерализма, а

именно уважение к различию между личностями [4]. Коллектив – это та среда, где личность событийствует с другими. Общий выбор, общий результат и общая ответственность ставят под сомнение такое понятие, как личность, которая является единственным источником моральной ответственности.

Безусловно, все эти противоречия в каком-то смысле закономерны, тем не менее если коллективная ответственность вызывает столь глубокие конфликты, то стоило бы осмыслить возможности прежнего содержания ответственности в решении проблем, порожденных техникой и ее новациями. Ответственность не является новым понятием в этике, ее проблематизация в этической традиции осуществлялась через несовпадение сущего и должного. Связка «свобода и ответственность» подчеркивает ее «зависимый» характер, означающий, что ответственность реализуется тогда, когда есть свобода, в частности понимаемая как автономия.

Таким образом, понятие ответственности было основано на представлении о достоинстве человеческой личности, ее уважении и отношении к ней как к автономному бытию, мерой свободы человека задается и мера его ответственности. Прежние этические системы – это сфера частных моральных обязательств, где нравственное взаимодействие человека – это взаимодействие лицом к лицу, и нравственная оценка производится из непосредственного результата, исходя из соответствия моральному закону, идее блага. Оценка действий по факту, т.е. после их свершения, позволяет нам говорить о ретроспективном характере ответственности.

Однако, к примеру, в абсолютистской этике И. Канта последствия поступков вообще не придается какого-либо значения, здесь личность ответственна только за мотивы совершенных поступков. В любом случае расстановка акцентов на мотивах или последствиях действий не меняет существенных характеристик ответственности в прежних этических системах. Фундаментальной характеристикой свободы, а значит, ответственности является их пространственная и временная ограниченность, которая была задана онтологическими, гносеологическими, аксиологическими представлениями человека о самом себе и своем месте в мире. Последствия действий всегда были видны, и оценка действий не составляла особого труда. Таким образом, коррелятивный характер свободы и ответственности указывает на ту степень свободы, которая была соразмерна для отдельной личности.

Способны ли мы сегодня оценить последствия нашей коллективной технической практики, используя ретроспективную концепцию ответственности? Контекст непосредственных результатов и интеракции лицом к лицу, в котором решалась проблема ответственности прежде, сегодня вряд ли возможен. Имеется в виду, что атрибуция поступков в условиях всевозрастающей опосредованности и социализированности действий становится весьма затруднительным предприятием, и эта трудность произрастает из современной техники, развитие которой, по словам В. Хесле, «радикально превосходит способность представления» [3. С. 99–100]. Именно корреляция нравственных чувств и способности представлять, с точки зрения фи-

лософа, была прочной основой для чувства ответственности, в то время как развитие современной техники приводит к разрыву между этими сферами. Возникает огромная дистанция между действиями и знаниями о последствиях как во времени, так и в пространстве. Объективная тенденция такова, что в условиях разделения труда и высокой специализации утрата чувства индивидуальной ответственности становится некой данностью, человеку все тяжелее представить себе, за что, собственно, он ответствен. Создается впечатление, что анонимность коллективных действий элиминирует возможность быть ответственным как таковым, что порождает, по словам З. Баумана, «грех без грешников, преступление без преступников, вину без виноватых!» [5. С. 18].

Сегодня потеря чувства ответственности у профессионалов отражает вышеописанную ситуацию и использование этических профессиональных кодексов как морально-этического механизма регулирования деятельности ученых, инженеров является неэффективным. Концепт профессиональной ролевой ответственности фундирован в ретроспективной парадигме ответственности и является ограниченным в условиях динамической природы технологических инноваций и оценке рисков.

Из всего сказанного следует, что индивидуальная ответственность не способна охватить современные этические и социальные перемены в науке и технике, поскольку проблема атрибуции ответственности носит социотехнический характер, и она не может быть решена, если мы основываемся на идее автономии личности и простых, понятных социальных ситуациях. Если мерой свободы задается мера ответственности, то разумно предположить, что новой степени свободы, которую дает нам развитие техники, должна соответствовать и новая степень ответственности. Сегодня акценты в понимании свободы и ответственности смещаются, происходит переход от понимания ответственности как формы осуществления необходимости к осознанию ответственности как самой необходимости, что дает основание уже из ответственности выводить максимы человеческого поведения [6]. Такое переосмысление свободы и ответственности мы находим у Г. Йонаса в его работе «Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации» [1], и разработка императива коллективной ответственности становится вполне обоснованной задачей.

В этом отношении многие современные исследователи единогласны и их позиция может быть выражена словами Х. Ленка: «Ввиду деления ответственности на множество людей и бесчисленных разветвлений общества и его представительных, принимающих решения органов, должна вступить в свои права коллективная ответственность за применение разработанных технических методов и, частично (вспомним о Манхэттенском проекте первой атомной бомбы), также за разработку крупных технических проектов, если мы не придерживаемся тезиса, что существует обладающий собственной динамикой квазиестественный процесс технологического развития» [7. С. 389]. Следует ли из этого, что индивидуальная ответственность сегодня потеряла свое значение? Очевидно, что нет; в совре-

менном мире человек хотя и подчинен глобальным структурам, в то же время возрастает влияние отдельного действия, когда в условиях развитых технологий ошибка отдельного индивида может привести к глобальной катастрофе.

Все вышеперечисленные противоречия, возникающие в связи с идеей коллективной ответственности, могут быть преодолены при условии признания данной идеи. Диалектический анализ индивидуальной и коллективной ответственности является условием для понимания идеи ответственности как таковой; «...расставить вехи на пути кооперации между индивидуальной и коллективной ответственностью, – пишет современный исследователь Э. Агацци, – и дать этим двум понятиям ясные определения» [8. С. 162] – вот одна из задач, стоящих перед исследователями сегодня.

Дискурс коллективной ответственности начинается с трудов Х. Арендт и К. Ясперса. Философы обращаются к понятию коллективной вины и ответственности наций за преступления общечеловеческого масштаба. Однако вопрос о коллективной ответственности в условиях изменившейся природы технической деятельности был сформулирован Г. Йонасом. Обосновав необходимость нового коллективного императива, философ оставил в стороне все те вопросы, которые возникают при использовании данного принципа в решении проблем, порожденных научно-техническими новациями. В этой связи наибольший интерес вызывают исследования, где обосновывается коллективная ответственность. Речь идет о концепции корпоративной социальной ответственности, разработка которой велась в рамках деятельности бизнес-корпораций во второй половине XX в. Именно там впервые был сформулирован вопрос о моральном статусе корпораций. Последствия данных дискуссий весьма полезны для понимания и обоснования коллективной ответственности.

Исследователями К. Годпастером и Дж. Мьютьюзом в статье «Может ли корпорация иметь совесть?» систематизируются подходы к пониманию сущности индивидуальной моральной ответственности. В результате они эксплицируют казуальную ответственность (The causal sense), предполагающую ответственность индивида за его действия. Второй тип – это ответственность, понимаемая как следование правилу (The rule-following sense); речь идет о нормах, которые человек принимает, поскольку он воплощает ту или иную социальную роль. Последний тип ответственности – это принятие решения (The decision-making sense), характеризующееся как индивидуальный независимый процесс морального рассуждения человека. Именно процесс морального рассуждения, где присутствуют рациональность и уважение к окружающим, соответствует пониманию индивида как морального агента (субъекта) [9]. Одновременно эти сущностные черты могут быть эксплицированы у таких субъектов, как корпорации, что и позволяет исследователям рассматривать их в качестве моральных агентов.

Тем не менее, на наш взгляд, характеристика ответственности в категориях рациональности и уважения не может быть достаточным основанием, чтобы считать коллективы субъектами моральной ответственности. Основные трудности, на которые указывают про-

тивники коллективной ответственности, заключаются в том, что, в отличие от индивидов, не может формировать намерения (интенции) и понимание его по аналогии с индивидуумами недопустимо. Данное возражение отсылает нас к методологическому индивидуализму (М. Вебер, К. Поппер), согласно которому «...все социальные процессы и явления должны получать объяснения через сведение к принципам, управляющим поведением индивидов, и описание их ситуаций. Отсюда вытекает принципиальная возможность в любом исследуемом случае коллективной деятельности произвести редукцию ответственности социального целого к ответственности входящих в него индивидов» [4. С. 77]. Решение противоречия в литературе осуществляется через введение понятия «коллективной интенциональности» и «иноного» понимания личности. «Первым проявлением коллективной ответственности, – пишет А.В. Прокофьев, – является совокупная ответственность определенного сообщества как единичного целого. Главным основанием такой формы ответственности является наличие так называемой “коллективной интенциональности”, позволяющей авторам, признающим реальность этого явления, вести речь об определенных видах групп как особых личностных образованиях (т.е. более или менее самостоятельных субъектах вменения)» [Там же. С. 78].

Понятие «коллективная интенциональность», или «коллективное намерение», есть результат отказа исследователей рассматривать личность только в антропологическом аспекте. Формулируется иное понимание личности. Так, П. Френч в работах «Корпорация как субъект морали», «Коллективная и корпоративная ответственность», «Корпоративная этика» понимает личность как субъект действия, для которого характерно наличие намеренной деятельности, способность осуществлять анализ, особенно в случаях с негативными последствиями, принимать во внимание интересы иных субъектов деятельности. Под такое определение личности подпадают и корпорации, следовательно, они могут выступать как вполне сложившиеся субъекты морали, обладающие соответствующими правами и обязанностями.

Корпорации, согласно П. Френчу, обладают «внутренней корпоративной структурой принятия решений» (corporations internal decision-making structure – CID), позволяющей обосновывать существование «коллективной интенциональности». Данная структура CID предполагает два элемента: во-первых, организационная структура компании, которая задает уровни распределения ответственности внутри коллектива, и, во-вторых, правила признания принимаемых решений, встроенных в корпоративную политику [10]. «Решения корпорации тесно привязаны к прошлому опыту корпоративной деятельности, – отмечает А.В. Прокофьев, – и не могут рассматриваться всего лишь как продукт индивидуальных членов совета директоров, поскольку вся процедура принятия решения глубоко институционализована и в значительной мере деиндивидуализирована. Все это, по мнению П. Френча, позволяет рассматривать корпорации как «коллективы-конгломераты», чья внутренняя идентичность не имеет жесткой связи с постоянством персонального состава» [4. С. 79].

Таким образом, мы имеем дело с корпоративными решениями, а не с решениями отдельных личностей. Наличие подобных структур в корпорациях должно обеспечивать возможность принятия моральной ответственности, однако следует предположить, что такие структуры вряд ли будут работать в иерархических коллективах в условиях отсутствия гласности.

Вероятно, структуры, основанные на принципах этики дискурса, могли бы стать реальным основанием моральной ответственности коллективных субъектов, однако этот вопрос не рассматривается П. Френчем. Когда речь идет о таких субъектах, как корпорации, очевидно, что авторы говорят об их социальной ответственности, но никак не о моральной. Использование иного понимания личности решает проблему корпоративной ответственности. Исследователи обосновывают корпоративную социальную ответственность, раскрывая механизмы принятия социальной ответственности, где важную роль играют специально организованные структуры, но не личности.

Существует ли в таком случае различие между коллективной и корпоративной ответственностью? Очевидно, что да. Корпоративная ответственность организована на основании общего интереса, тогда как коллективная ответственность предполагает общий смысл, который объединяет людей. Корпоративная ответственность реализуется только в социальной сфере, тогда как коллективная, помимо социального контекста, еще нагружена и моральными предпочтениями.

Необходимость морального измерения коллективной ответственности в условиях возросшей технологической мощи – это не просто требование, это экзистенциальный факт. Поэтому Х. Ленк говорит о коллективной ответственности, оставляя приоритет именно моральному ее измерению. Для него коллективная ответственность сообществ определяется в отношении к деятельности отдельных людей.

Философ стремится сохранить индивидуальную ответственность в условиях коллективного бытия: «Я бы назвал это всеобщей обязанностью коллективного несения индивидуальной ответственности в группах, или, другими терминами, совместной или соучастной ответственностью (Mitverantwortung) – сопричастность ответственности» [11. С. 158]. Каждый несет ответственность сообразно занимаемому положению в системе, следовательно, ответственность возрастает снизу вверх. В результате в коллективной системе каждый разделяет совместную ответственность в той мере, в какой эта система зависит от его действий и от его способности конструктивно вмешиваться в ее функционирование. Попытки П. Френча обосновать моральный статус таких субъектов, как корпорации, могут быть полезны для решения вопросов, связанных с коллективной ответственностью. В целом же развернувшаяся полемика вокруг коллективной ответственности свидетельствует о необходимости формирования концепции коллективной ответственности как механизма морального регулирования коллективной научно-технической практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-Пресс, 2004. 480 с.
2. Сколимовски Х. Философия техники как философия человека. URL: <http://philosophy.global.ru/idx/126.html> (дата обращения: 12.01.12 г.).
3. Хесле В. Философия и экология. М. : Наука, 1993. 205 с.
4. Прокофьев А.В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 73–85.
5. Vauman Z. Postmodern ethics. Malden : Blackwell Publishing, 2007. 255 p.
6. Козлова Н.П. Этика ответственности в условиях техногенной цивилизации : автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2007. 26 с.
7. Ленк Х. Ответственность в технике, за технику с помощью техники // Философия техники в ФРГ. М. : Прогресс, 1989. С. 372–392.
8. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М. : Московский философский фонд, 1998. 324 с.
9. Goodpaster K.E., Matteheus J.B. Can a corporation have a conscience? URL: http://socialethics.us/images/Can_A_Corporate_Have.pdf (дата обращения: 12.01.12).
10. French P. The corporation as a moral person // American Philosophical Quarterly. 16 (3): 207–215.
11. Ленк Х. Размышления о современной технике. М. : Аспект Пресс, 1996. 183 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 16 февраля 2012 г.